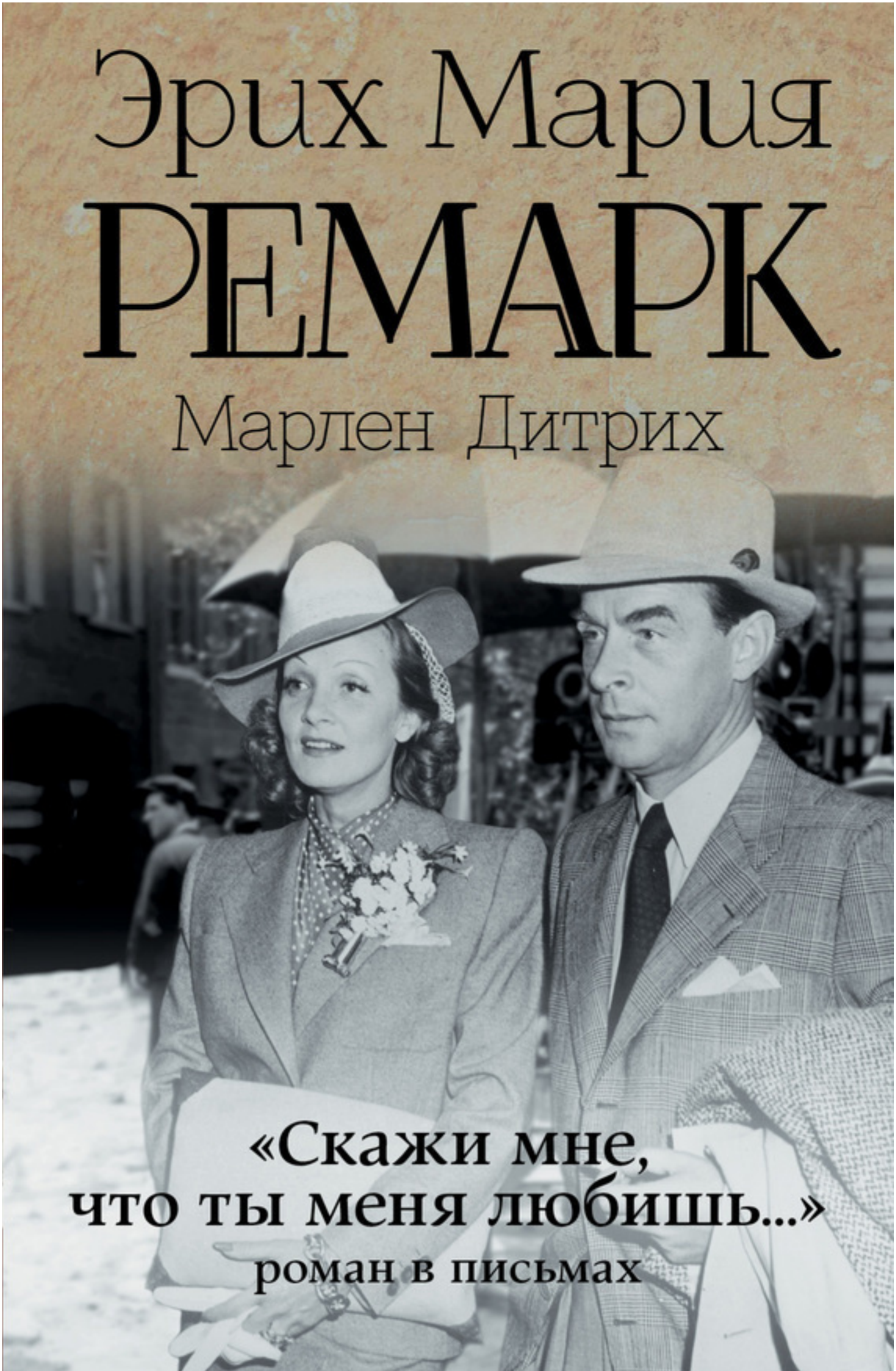
Эрих Мария РЕМАРК

Марлен Дитрих

«Скажи мне, что ты меня любишь...»

роман в письмах

Возвращение с Западного фронта

Эрих Мария Ремарк

«Скажи мне, что ты меня любишь…»: роман в письмах

«АСТ»

1937-1970

УДК 821.112.2-6
ББК 84(4Гем)-44

Ремарк Э.

«Скажи мне, что ты меня любишь…»: роман в письмах / Э. Ремарк — «АСТ», 1937-1970 — (Возвращение с Западного фронта)

ISBN 978-5-17-088530-5

Одна из самых завораживающих и печальных историй любви XX века. История романа самого прославленного певца «потерянного поколения» Эриха Марии Ремарка и самой знаменитой «фам фаталь» мирового кинематографа Марлен Дитрих, поведанная ими самими – в письмах, которые они писали друг другу. Их отношения не были простыми. В них вспышки страсти и нежности слишком часто сменялись непониманием, ревностью, недоверием и даже враждой. Их отношения были и необходимы, и мучительны как для Дитрих, так и для Ремарка. Они должны были закончиться плохо – и закончились плохо. Но и сейчас письма великого писателя и гениальной актрисы трогают до глубины души...

УДК 821.112.2-6
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-088530-5

© Ремарк Э., 1937-1970
© АСТ, 1937-1970

Содержание

Вступление 5
Предисловие 9
Письма 10
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Эрих Мария Ремарк, Марлен Дитрих «Скажи мне, что ты меня любишь…»: роман в письмах

Вступление

Для общения с Марлен надо было иметь крепкие нервы. И вдобавок здоровый желудок, потому что от ее угощений любой мужчина мог свалиться под стол. «Суп из шампиньонов, отбивные котлеты, яичница-болтунья, мясо по-сербски с рисом и клецки с абрикосами», – записал Ремарк в дневнике (21 мая 1938 г.). Она предпочитала закармливать мужчин, нежели спать с ними, – поэзии кухни она отдавала предпочтение перед прозой спальни.

Но этого Ремарк знать не мог, он видел Марлен такой, какой ее видели все: звездой, вокруг которой вился рой вожделевших ее поклонников, кинодивой, появлявшейся в сопровождении сменявших друг друга кавалеров; в Зальцкаммергуте, например, ее спутником был Дуглас Фербенкс-младший. С тех пор как Голливуд перестал благоволить к ней, она проводила отпуск в Европе. Фильмы Дитрих более не пользовались успехом; последняя совместная работа Марлен с Джозефом фон Штернбергом, открывшим ее для экрана, – «Дьявол – это женщина» (1935), – столь откровенно противоречила идеалам романтической любви, пестуемым тогдашним Голливудом, что «Парамаунт» предпочел с ней расстаться. Несколько последовавших за этим фильмов потерпели полное фиаско как в художественном, так и в финансовом отношении. 1 апреля 1937 года Ремарк посмотрел «Сады Аллаха», но в своем дневнике об игре Марлен не обмолвился ни словом. С этого времени Марлен стали считать в Голливуде «ядом для кассы», в списке любимых публикой кинозвезд она фигурировала в самом конце. Планы съемок всех фильмов по сценариям, написанным для Марлен, кинофирма «Парамаунт» отложила на неопределенно долгий срок и не настаивала на выполнении Дитрих условий подписанного с фирмой соглашения. Марлен могла бы принять приглашение любой другой фирмы. Если вдуматься, то вся ее невероятная слава объяснялась успехом одного-единственного фильма – «Голубой ангел» (1930), – и она столь же прибыльно, сколь и безуспешно старалась этот успех закрепить. Гонорары Марлен были невероятно высоки, поэтому ничто не заставляло ее хвататься за любую предложенную роль, и Дитрих могла позволить себе долгие перерывы между фильмами. Расставшись с Дугласом Фербенксом-младшим, Марлен Дитрих в начале сентября 1937 года отправляется в Венецию, чтобы встретиться там со своим старым другом Джозефом фон Штернбергом, в то время таким же безработным, как и она сама.

У Ремарка сложилась почти аналогичная ситуация. Всемирную известность ему принесло одно-единственное произведение – роман «На Западном фронте без перемен» (1930). За всю историю книгопечатания только Библия по числу проданных экземпляров стояла впереди этой книги немецкого автора. Но и Ремарку пока не удавалось закрепить достигнутый успех. Подобно Дитрих, он, не будучи евреем, покинул Германию, презирая ее национал-социалистическую политику, и с тех пор жил либо в приобретенном еще в 1931 году доме в Порто-Ронко, на берегу Лаго-Маджоре, либо путешествуя по миру. Когда в начале сентября 1937 года Ремарк появился в Венеции, у него как раз осталась позади одна из многочисленных, но мимолетных связей – на сей раз с кинозвездой Хеди Ламарр.

В своей умной и просто пугающей книге «Моя мать Марлен» (1992) Мария Рива впервые открыла публике глаза на личные неурядицы блистательной кинозвезды. Со слов матери Мария Рива передает, как та описывала свою первую встречу с Ремарком:

«Она сидела со Штернбергом в венецианском «Лидо» за обедом, когда к их столу подошел незнакомый мужчина.

– Господин фон Штернберг? Милостивая госпожа?

Моя мать вообще не любила, когда с ней заговаривали незнакомые люди, но ее очаровал глубокий, выразительный голос мужчины. Она оценила тонкие черты его лица, чувственный рот и глаза хищной птицы, взгляд которых смягчился, когда он поклонился ей.

– Позвольте представиться. Эрих Мария Ремарк.

Моя мать протянула ему руку, которую тот учтиво поцеловал. Фон Штернберг жестом велел официанту принести еще один стул и предложил:

– Не присядете ли к нам?

– Благодарю. Если милостивая госпожа не возражает.

В восторге от его безупречных манер, мать слегка улыбнулась и кивком головы предложила ему сесть.

– Вы выглядите слишком молодо для того, чтобы написать одну из самых великих книг нашего времени, – проговорила она, не спуская с него глаз.

– Может быть, я написал ее всего лишь для того, чтобы однажды услышать, как вы произнесете эти слова своим волшебным голосом. – Щелкнув золотой зажигалкой, он поднес ей огонь; она прикрыла язычок пламени в его загорелой руке своими тонкими белыми кистями, глубоко втянула сигаретный дым и кончиком языка сбросила с нижней губы крошку табака…

Фон Штернберг, гениальный постановщик, тихо удалился. Он сразу распознал любовь с первого взгляда».

Их отношения, с виду такие естественные и легкие, складывались непросто. И завершились они драмой, которая нашла отражение в их переписке, в самых прекрасных, самых страстных и самых печальных любовных письмах. В итоге перед нами последняя великая история любви в XX веке, грандиозная иллюзия, полная лжи и самообмана, но освещенная изнутри бенгальским огнем образов Ремарка, который никогда не был писателем в большей мере, нежели чем в этих интимных письмах к своей холодной возлюбленной.

Одно из удивительно глубоких высказываний о Ремарке принадлежит Марии Рива: Ремарк «напоминал актера из героической пьесы, который всегда стоит за кулисами и ждет, когда же наконец ему подадут нужную реплику. А ведь он писал книги, мужские персонажи которых воплощали все те силы, что в нем дремали, но никогда не складывались в законченный характер. Как раз самым очаровательным его качествам так и не суждено было обрести свое место в портрете совершенного человека. Не то чтобы он не знал, как встать с этим портретом вровень, – он считал себя недостойным такого совершенства».

И действительно, Ремарку был свойствен сильный комплекс неполноценности. Успех, свалившийся на него совершенно неожиданно, он считал незаслуженным. Он, разумеется, наслаждался независимостью, которая была обеспечена внезапным богатством: несмотря на приобретение предметов искусства и дорогие подарки, которые он постоянно посылал поклонникам, деньги продолжали литься к нему рекой, и гонорары из всех стран света казались неиссякающим источником. При этом Ремарк был твердо уверен, что не заслуживает таких гонораров, ибо как писатель не стоит этих сумм и, по сути дела, никаких значительных для читателя романов написать не может. Для этого, дескать, нужно быть хорошо образованным человеком, а не только экспертом по смешиванию экзотических спиртных напитков и любителем быстрых автомобилей, сумевшим, несмотря на свое скромное прошлое, стать львом светской журналистики. Купив себе в 1936 году энциклопедию в нескольких томах, он записывает в дневнике: «Верх буржуазности! Однако для людей без основательного образования и с таким количеством пробелов – подходит!» Похоже, что образец для

подражания, который Ремарк для себя придумал, находился на высоте, практически для него недосягаемой.

Из-за недооценки себя и депрессий, пожар которых Ремарк пытался залить водопадами алкоголя, для Дитрих, человека скорее прагматичного и решительного, он был тяжелым партнером. В моменты внутренней раскрепощенности ему удавалось «сбить со следа» свою возлюбленную, подделываясь под ребенка: только тогда он пользовался ее полным и безраздельным вниманием. «Выдаю себя за мальчишку, она в восторге. Не то…» (Дневник, 27 октября 1938 г.)

Когда у Ремарка появлялось ощущение, что Марлей отдаляется от него или он сам становится одним из никчемных поклонников в ее свите, он превращался в маленького восьмилетнего Альфреда, который с детскими орфографическими ошибками писал письма «тетушке Лене» – с их помощью Ремарк надеялся вернуть Марлен к состоянию «влюбленной нежности» первых месяцев их знакомства. Что думала по поводу этих писем сама Марлен, нам, к сожалению, неизвестно, поскольку все ее письма Ремарку были впоследствии уничтожены его женой Полетт Годдар.

Марлен Дитрих украшала себя Ремарком. То, что он прослыл непревзойденным знатоком отборных вин, ее восхищало так же, как и его политическое чутье, и она повторяла вслух его суждения, будто они были ее собственными. Когда Марлен вернулась в Голливуд, Ремарк был вынужден сопровождать ее на официальные приемы и премьеры кинофильмов, причем она неукоснительно следила за тем, чтобы он выглядел фотогенично, «а не одутловатым или чересчур загоревшим и т. д. Немножко противно, хотя и объяснимо» (Дневник, 7 апреля 1939 г.). Марлен тщательно просматривала газеты, чтобы проверить, достаточно ли привлекательно она смотрится рядом с ним. Эти фотографии знаменитой пары, опубликованные в печати, навредили писательской репутации Ремарка, возможно, больше, чем любые негативные рецензии: его общение с кинозвездами еще сильнее изолировало его от остальных литераторов, а подчеркнуто роскошная жизнь Ремарка делала его человеком в политическом смысле подозрительным для множества эмигрантов, оставшихся без средств к существованию. Между тем стоит подчеркнуть, что в мишурном мире светского общества элегантность Ремарка и его манеры были прямой политической демонстрацией: Ремарк хотел показать, что нацисты в «своей борьбе» еще не достигли победы. Лишь когда сам сдашься и будешь вести себя как беженец, как потерпевший крах и разбитый по всем статьям, тогда они действительно победят, говорил он. Втихомолку, без публичных жестов он помогал многим деньгами, а роману Теодору Пливье и поэту Альберту Эренштейну пожизненно посылал «маленькие синие листочки», как он называл свои чеки.

«Полная, сладкая жизнь и немного страха, что это ненадолго», – записывает Ремарк в дневнике в Париже (21 мая 1938 г.), но всего два месяца спустя мы находим там же: «Я все больше склоняюсь к мысли уехать отсюда. В Порто-Ронко. В тишину, в вечера безысходности и одиночества, когда я буду проклинать себя за то, что уехал. Все становится ненадежным, я делаюсь ранимее, понемножку превращаясь в буржуа… Я совершаю поступки нелепые и глупые; я знаю об этом, совершая их, и совершаю их вопреки всему… Я должен быть один. Мне это не понравится».

Амбивалентность, то есть двойственность переживаний, будет сопровождать его долго. «Ночь – восторг. А вообще-то, похоже, все идет к концу» (Дневник, 4 августа 1938 г.). Отныне Ремарк, терзая себя, отмечает в дневнике, какие признаки его обидчивости и раздражительности, мнимые или действительные, могут быть истолкованы как предзнаменование близящегося конца их отношений с Марлей. Он досадовал на семейный клан, с которым путешествовала Дитрих («Не бывает любви с довеском в виде семейного обоза». Дневник, 4 августа 1938 г.), страдал от загадочного переплетения ее прусской благопорядочности и эротической вседозволенности. Она тревожилась, когда он не возвращался в отель, а пил

где-нибудь всю ночь напролет; зато связь Марлен с необузданной авантюристкой Джо Карстерс с ее страстью к самолетам приводила Ремарка в отчаяние: «Работать. Работать. Прочь от пумы! Прочь, прочь! В этом нет больше никакого смысла» (Дневник, 30 сентября 1938 г.). Вопреки всем благим намерениям порвать с пумой по имени Марлен он был не в состоянии: Ремарк вновь и вновь находил в себе силы для борьбы со всеми ее связями и с собственным одиночеством, которое силился обмануть уже своими связями, столь же многочисленными.

Хотя интимные отношения между Марлен и Ремарком закончились в 1940 году, Дитрих еще долгие годы оставалась возлюбленной его фантазии. 9 декабря 1938 года Ремарк приступил к работе над большим эмигрантским романом «Триумфальная арка», который наконец должен был излечить его от травмы быть знаменитым благодаря всего одной книге; многие письма к Марлен он с тех пор подписывает именем ее главного героя – «Равик». И чем дольше Ремарк трудился над романом, завершенным лишь в 1945 году, тем отчетливее главный женский персонаж книги, Жоан Маду, походил на портрет, причем не слишком лестный, Марлен Дитрих.

«Красавица, возбуждающая и пропащая, с высоко поднятыми бровями и лицом, тайна которого состояла в его открытости. Оно ничего не скрывало и тем самым ничего не выдавало. Оно не обещало ничего и тем самым – все».

В письме к Альме Манер-Верфель (1944) Ремарк горестно подытожил время, проведенное им с Марлей: «Знакомо ли тебе чувство, когда просто стыдно перед самим собой за то, что принимал всерьез человека, который был не более чем красивой пустышкой, и что ты не можешь заставить себя сказать ему об этом, а предпочитаешь по-прежнему любезничать с ним, хотя тебя уже тошнит от всего этого!» О борьбе, о сомнениях, о лжи и самообмане мы ничего не узнаем из его писем. Перед нами заклинания любви, для которой не было никакой почвы в реальной прозе жизни. Возникнув из глубины экзистенциального одиночества, эти письма были адресованы женщине, существовавшей исключительно в страстных желаниях Ремарка. Однако написаны они – и в этом тайна их особенно трогательной, нежной меланхолии, – написаны эти письма Ремарком, в сущности, себе самому. Это своего рода разговор с самим собой, сон наяву. Они, эти письма, не ждут и не требуют ответа; они – неизвестный до сих пор роман Ремарка, а по своей поэтической магии, по несокрушимой вере в колдовскую силу слова это последний любовный роман XX века.

Вернер Фульд

Предисловие

Из всех качеств, составляющих мир того Эриха Марии Ремарка, которого я знала, меня больше всего трогала его поразительная ранимость. Никто не ожидает найти детскую непосредственность в человеке, написавшем, возможно, самую цельную книгу о своем личном военном опыте; это особенно маловероятно, если прежде всего видишь в нем всемирно известного писателя, с такой уверенностью приемлющего и свою славу, и свою участь. А на деле его закованность в гладкий внешне панцирь, которую он столь тщательно имитировал, была щитом Ремарка, его изощренной защитой от того, что он сам до конца не познал.

Для меня он как настоящий человек открылся в изобретении Альфреда, этого волшебного маленького школьника, личного Сирано Ремарка, созданного им, чтобы ухаживать за моей матерью, Марлен Дитрих, чтобы обвораживать и околдовывать ее. Он проникал в ее сердце поверх тех эмоциональных барьеров, которые можно было воздвигнуть против обычных любовников. То обстоятельство, что ни Ремарк, ни Дитрих не поняли истинной глубины требовательности Альфреда, что чистота его сдержанности осталась незамеченной, – это всего лишь дополнительная потеря, с точностью вписывающаяся в жизнь Эриха Марии Ремарка.

Мария Рива

Письма

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко*
(после 24.11.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Нью-Йорк*
[Штамп на бумаге: «Эрих Мария Ремарк»]
MDC 212

Большая комната наполнена тихой-тихой музыкой – фортепьяно и ударные, – это все Чарли Кунц[1], десятка два пластинок которого нанизаны на штырь моего проигрывателя. Это музыка, которую я люблю – чтобы отлететь, предаться мечтам, желаниям… Вообще-то мы никогда не были по-настоящему счастливы; часто мы бывали почти счастливы, но так, как сейчас, никогда. Согласись, это так. Иногда это было с нами, иногда это было с другими, иногда одно с другим смешивалось – но самого счастья в его полноте не было. Такого, чтобы не представить себе еще большего; все было словно пригашено, как и сейчас. Ты вдумайся – только будучи вместе, мы его обретаем.

Пылкая моя, сегодня ночью я достал из погреба в скале самую лучшую бутылку «Штайнбергер кабинет» урожая 1911 года – из прусских казенных имений, элитное вино из отборного предзимнего винограда. С бутылкой и с собаками я спустился к озеру, взбаламученному и вспенившемуся; и перед собаками, и перед озером, и перед ветром, и перед Орионом я держал речь, состоявшую из считанных слов, – и тут собаки залаяли; они лаяли, а озеро накатило белый вал, поднялся ветер, и мы ощутили на себе его сильные порывы, Орион замерцал, словно брошь девы Марии, и бутылка, описав дугу, полетела сквозь ночь в воду, как приношение богам за то, что несколько лет назад они в этот день подарили мне тебя.

Может быть, она достанется там, внизу, сомам, которые будут перекатывать ее своими мягкими губами, а может быть, окажется у убежища старой замшелой щуки огромного размера, или у норы форели, узкое тело которой усыпано красными пятнышками; она вырожденка, эта форель, ей хочется мечтать, сочинять рифмованные форельи стихи и снимать быстротечные форельи кинофильмы; а может быть, через много-много лет, когда рты наши будут давно забиты темной землей, бутылка попадет в бредень рыбака, который с удивлением вытащит ее, поглядит на старую сургучную печать и сунет в боковой карман своей штормовки. А вечером, у себя дома, когда минестра[2] уже съедена и на каменном столе у кипарисов появятся хлеб и козий сыр, он не торопясь поднимется, сходит за своим инструментом и собьет печать с бутылки, зажав ее между коленями. И вдруг ощутит аромат – золотисто-желтое вино начнет лучиться и благоухать, оно запахнет осенью, пышной осенью рейнских равнин, грецкими орехами и солнцем, жизнью, нашей жизнью, любимая, это наши годы воспрянут, это наша давно прожитая жизнь снова явится на свет в этот предвечерний час, ее дуновение, ее эхо, – а не знакомый нам рыбак ничего не будет знать о том, что с такой нежностью коснулось его, он лишь переведет дыхание, и помолчит, и выпьет…

---

[1] Чарли Кунц (1896–1958) – джазмен, пианист американского происхождения, «король попурри»; высоты своей карьеры достиг в Великобритании, в 1930-е годы – самый высокооплачиваемый пианист в мире. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.

[2] Минестра, или минестроне, – густой овощной суп с травами, бобами, кусочками лапши.

Но поздним вечером, когда стемнеет, когда рыбак уже давно спит, из ночи, словно две темные стрелы, вылетят две бабочки, два смутных ночных павлиньих глаза – говорят, будто в них живут души давно умерших людей, испытавших когда-то счастье; они подлетят совсем близко, и всю ночь их будет не оторвать от края стакана, со дна которого еще струится запах вина, всю ночь их тела будут подрагивать, и только утром они поднимутся и быстро улетят прочь; а рыбак, стоящий со своей снастью в дверях, с удивлением будет смотреть им вслед – ему никогда прежде не приходилось видеть в здешних местах таких бабочек…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко*
(25.11–07.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Эрих Мария Ремарк», слева]
MDC 505-507

Сейчас ночь, и я жду твоего звонка из Нью-Йорка. Собаки спят рядом со мной, на проигрывателе пластинки, которые я нашел: «Easy to love», «I got you under my skin awake from a dream»…[3]

Нежная! Любимая кротость! Среди мимоз, что вокруг моего дома, расцвела в последние дни маленькая ветка. На утреннем солнце она золотой гроздью свисает перед белой стеной. Мягкая, как твое сонное дыхание на моем плече…

Сладчайшая… иногда по ночам я протягиваю руку, чтобы притянуть поближе к себе твою голову…

…Но у тебя уже день, понемногу начинают зажигаться уличные фонари, ты стоишь посреди своей комнаты, кто-то пригласил тебя поужинать или сходить вместе в театр, на постели разложены твои вечерние туалеты, и ты не знаешь, надеть ли белое платье с золотым корсетом от Скиапарелли или черно-золотое от Алике. Или вон то, с черными блестками? Или красно-зеленое от Алике? А может быть, изящный костюм от Лануан, который опять будет царапать тебе шею? Или зеленовато-золотистое платье из Голливуда, из той же ткани, что и платье, которое было на мамаше Роша в «Максиме»? Или одно из тех, в греческую складку, от Виоме?

Дай мне сигарету, дорогая, – от примерок я устаю. А теперь взгляни в зеркало. Светлое, любимое лицо! Ты коротко встряхиваешь головой, отбрасывая волосы назад. Одно плечо опять ниже другого. И все как-то перетягивается вперед, придется Тобиасу согласиться. И даже господин Шеербаун, лицо у которого более багровое, чем у коротышки в углу, вынужден будет подтвердить. А когда ты снимаешь жакеты, они соскальзывают со слегка отставленных плеч, будто их снимает с тебя ангел.

Ничего не забыл? Ах, нуда! Пальто, эта накидка лешего. Опять ночью было полно домовых. Как оно раздувается по бокам – будто щека у хомяка. Не говоря уже о том, что оно распахнуто. О ты, терпеливейший из всех падших ангелов! А потом опять будет китайский чай у Смита. И кексы, и корнфлекс. И злые шутки, и гогот, и пустая болтовня. Но сначала ты расчешешь волосы черным гребнем. Наклонив голову набок, будешь часто продирать их торопливыми движениями, невзирая на боль. А потом вздох, взгляд ниоткуда и никуда, неуловимая улыбка, обращенная ко всем и ни к кому в частности, быстрая прогулка и теплое вечернее дыхание далеких Елисейских полей…

[3] Имеются в виду песни американского композитора Коула Портера (1891–1964).

Милая! Ангел западного окна! Мечта светлая! Я никогда больше не буду ругаться, когда ты убежишь от больного ишиасом старика. Золотая моя, с узенькими висками и глазами цвета морской волны, вдобавок я обещаю тебе никогда не ругаться из-за проклятого шелкового одеяла, за которое цепляются пальцы ног…

Малышка с катка! Добытчица денег! Тепло ли ты одеваешься, выходя из дома? Опекает ли кто-нибудь тебя? Не снимай никогда своих теплых варежек, а не то отморозишь пальцы! Продувай время от времени варежки своим дыханием! Мы еще сходим с тобой в самую большую кондитерскую, и я закажу тебе какао со взбитыми сливками и огромное блюдо с яблочным пирогом. Тем самым, где поверху такой мудреный крест. И голову мавра. А взбитых сливок закажем, сколько пожелаешь.

Но какой во всем этом прок – обманываться воспоминаниями, когда я люблю тебя, милая, и мне тебя ужасно не хватает; я заставляю себя не думать об этом – о темноте, о том мгновении, когда я пришел к тебе, а свет был выключен, и ты бросилась из темноты в мои объятия, и распалась комната, и ночь распалась, и мир распался, и твои губы были самыми мягкими на земле, и твои колени коснулись меня, и твои плечи, и я услышал твой нежный голос – «входи, входи еще…» – трепетная, о бесконечно любимая…

*** * ***

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Парижа*
(после 07.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]
MDC301-302

Но что же мне делать в этом городе – он уставился на меня, стоглазый, он улыбается, и машет рукой, и кивает: «А ты помнишь?» – или: «Разве это было не с тобой?» – он воздевает передо мной ладони, и отталкивает руками, и нашептывает тысячи слов, и весь вздрагивает и исполнен любви, и он уже не тот, что плачет и обжигает, и глаза мои горят, и руки мои пусты…

Больше не выдержать! Я хотел научиться хранить спокойствие и ждать, я ни перед чем не останавливался, чтобы обмануть себя, я говорил: «Скоро», и еще: «Она не исчезла отсюда», и еще: «Всего несколько недель осталось», – но больше это не получается.

Этот город восстает против меня, швыряет меня туда-сюда, улицы болтают о тебе, и дома, и «Колизей», и «Максим» – сам я нигде не был, но они приходили ко мне, в мою комнату, они стоят передо мной и спрашивают, спрашивают…

Такого никогда не было. Я погиб. Меня погубила черная мерцающая подземная река, погубил звук скрипки над крышами домов, погубил серебристый воздух декабря, погубила тоска серого неба, ах, я погиб из-за тебя, сладчайшее сердце, мечта несравненной голубизны, свечение растекающегося над всеми лесами и долами чувства…

Сердце сердца моего, так не было никогда. Беспокойное счастье, сплетение лиан, крики из жарких, лихорадочных ночей… Разве я когда-то испытывал это: нежность? Разве не оставалось всегда пустое место, пятно не захлестнутого ею Я, холод из неведомой дали?

Этого нет больше. Нет накатывающегося вала; это приключение без женщин, эта безумная последняя попытка удержать неуловимое: тебе следовало бы лежать на моем плече, мне так хочется ощущать твое дыхание, ты не должна уходить, ах, жизнь слишком коротка для нас, а сколько без тебя уже упущено и утрачено…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Парижа*
(после 07.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилпз,*
отель «Беверли Уипшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]
MDC515-516

Любимая, вчерашний день я провел вместе с Руди[4] и Тами[5]. Они были милы, в отличном настроении, и в третий раз рассказали мне историю о том, как ты прямо с яхты дала им телеграмму, и еще о том, что собираются подыскать для тебя пояс, и это после того, что ты всего несколько дней назад дала им понять, что в следующий раз сделаешь это сама. Они были ужасно горды тем, что без них, значит, никак не обойтись. Руди страшно занят и счастлив – теперь никто не сможет уверять его в том, что, вообще говоря, все обстоит не так уж плохо. Оба они и впрямь не столь сильно расстроены, как обычно.

Ты я – вот оно и написалось! – я-то собирался написать «ты и я» – но так уж оно вырвалось из головы, и я нахожу, что «ты я» куда лучше! Итак: ты я, у нас с тобой есть прекрасное качество: сбивать людей с толку, хотя нам меньше всего этого хотелось бы; мы сбиваем их с толку, и все тут – может быть, потому, что мы спокойнее их, или потому, что нам нет дела до того, что для них важно, не знаю. Они считают нас невероятно сложными, при том что мы сами себя считаем простыми донельзя. Но как бы мы ни поступали, мы сбиваем их с толку. Самих себя мы с толку никак не сбиваем. Наоборот, нам столько известно друг о друге, что мы могли бы играть в покер с открытыми картами. Вот почему надо приложить неимоверные усилия, чтобы мы действительно поссорились. Да и то в конце концов выйдет полссоры, так что под конец скорее всего – увы! – мы просто не сможем сдержать ухмылки.

Малышка, головка моя обезьянья, сегодня я опять мылся твоим миндальным мылом из арденнского пакета – оно для меня как награда, и я обращаюсь с ним очень экономно, чтобы его хватило до моего отъезда; сейчас малость похоже на то, будто ты меня отскоблила. Да, отскоблила; и этот Симмот опять был тут как тут и опять никак не мог припомнить всех имен и фамилий ни во время массажа, ни потом, орудуя шваброй при скоблении, – ну, теперь-то я ни в коем разе не импотент.

Удивлению Руди и Тами не было предела – я удовольствовался одной лишь баденской водой. Она самая лучшая – та вода, что с гуся, стоила бы дороже, если бы встречалась не так часто.

Не близится ли потихоньку время в очередной раз убедиться, что есть мед в постели? Я верен тебе всецело, это ужасно, но дается мне, кстати, без малейшего труда.

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко,*
Парижа, Антиба *или Беверли-Хиллз*
(после сентября 1937 г.)
МАРЛЕН ДИТРИХ

[4] Руди – Рудольф Зибер, муж Марлен Дитрих. – Примеч. нем. издателя.

[5] Тами – Тамара Матул, подруга жизни Рудольфа Зибера. – Примеч. нем. издателя.

MDC 2a

Ты любимая жизнь

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Парижа*
(после 07Л 2.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]
MDC 520–522

Маленькая милая обезьяна, ну что это за жалкая жизнь! Ты на другой стороне земли и время от времени только и делаешь, что возьмешь да пошлешь телеграмму. Разве написать письмо так трудно?

Может быть! Никто не собирается тебя подстегивать. Продолжай вести переговоры с менеджером ледяных катков. Хотя именно это меня весьма занимает – о чем ты условилась с этими чертями: когда ты начнешь и как долго, примерно, эта история будет продолжаться? Это не из-за моих разъездов, – они все равно продолжаются с железной необходимостью, – но просто так, чтобы знать.

Я здесь медленно, по-тихому схожу с ума. Один слой так мило накладывается на другой – и везде ты глядишь на меня и задаешь вопросы. Ты правда расспрашиваешь?

Продолжай расспрашивать! Я навожу страх на хозяев кафе и баров! Клубы трезвенников настойчиво зазывают меня к себе. Я для них все равно что знаменитый новообращенный. Важная новость: союз аквариумистов «Разбор» из Цюриха избрал меня почетным членом. Вот и исполнилась детская мечта! Ведь это часть моей юности: сколько в моей тогдашней комнате стояло аквариумов! А блестящие на солнце ручьи, а озера в лесу, а пестрый мир рыб с Амазонки! Я – впервые в моей жизни – принял предложение и послал им умирающее вино урожая 21 года. Иногда, если не всегда, удел благородных – принять тривиальную смерть. Вино умрет в глотках неотесанных швейцарцев, едва отличающих белое вино от красного. Ну и пусть! Кто знает, что нам еще предстоит! Мир и без того выглядит престранно: даже часы фирмы «Патек Филипп» взяли и остановились. Сломались! Раньше, чем все остальные! Как раз сейчас их чинят под аккомпанемент издевок с моей стороны.

Маленькая, грустная пантера со светлой шерсткой, живущая в зоопарке, – смейся, высмей их всех! Нечего грустить из-за идиотов – они созданы для того, чтобы при их виде другие веселились.

Выше, еще выше! Волна голубая, волна зеленая! Летите – летите с пеной, с белой пеной в гривах! Ах, эта вечная оседлость! Беспокойство – вот удел наш и наше счастье. И если я с таким отчаянием взываю к тебе… – кто бы вернул мне счастье взывать, чтобы желаемое тысячекратно исполнялось… ибо только в тебе исполнение всех желаний, любимая Фата Моргана Господня…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко,*
Парижа, Антиба или Беверли-Хиллз
(после сентября 1937 г.)
МАРЛЕН ДИТРИХ

MDC2в

Лотосы – цветы слов и забытья…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Парижа*
(после 07.1 2.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир».
[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]
MDC 309–311

Маленькая гнездная птица, я все-таки здесь с моим ишиасом, похожим на кобру: он почти что неуязвим. Чем на него ни напустишься: жарой, уколами, короткими волнами – он только расцветает от этого. Черт его знает, что Юпитер, покровитель детей, родившихся под знаком Стрельца, замыслил на мой счет. Может быть, он хочет с помощью страданий очистить меня, а сгибая в бараний рог – распрямить. Должна же быть от этого какая-то польза; а если нет никакой, то хотя бы для приумножения внутреннего богатства.

Любимая, ты ведь сентиментальна, – мне как раз вспомнилось, что это письмо придет к тебе примерно на Рождество; из всех праздников, которые мы празднуем, этому больше всех присущи ирония, насмешка.

Для меня он всегда был тождествен несварению желудка; хотя моей детской мечте – получить в подарок плитку шоколада метровой длины и толщиной двадцать сантиметров – никогда не суждено было исполниться (а когда я уже мог купить себе такую, все удовольствие от этой мысли пропало – вот как бывает с мечтами), тем не менее, угостившись Spekulatius'oM[6], марципанами, апельсинами, фигами, заливным из свежезаколотого поросенка, луковками (маленькими, маринованными), тушенным в уксусе жарким и пудингом, я сумел поставить желудок на колени. Все зависит от того, с какой быстротой ешь.

Послушай, ты, самая маленькая и самая мягкая из гнездящихся птиц, которую слишком рано вышвырнули из гнезда, не зажигай никакие кедровые палочки, или что там у вас в Голливуде принято, может быть даже, какие-нибудь кактусы, а обратись-ка сразу к коньячной бутылке. Не перебирай, но выпей подряд три добрые рюмочки – одну за себя, одну за меня и еще одну за нас. Это граничит с безумием, это маленькое чудо, что нас прибило друг к другу, как зерно к зерну, ведь мы оба делаем все для того, чтобы этого не случилось. Боже, всего год назад – лучше не думать об этом! – я тебя еще не знал. Но поверь мне, это вовсе не дурацкая поговорка: я и впрямь семь лет[7] ощущал тебя у себя под кожей и не хотел этого, и хотел забыть об этом, и забыл, и знал тем не менее, что никогда не смогу забыть об этом совсем.

Милая, любимая, позавчера я опять встретился с Джефом Кесселем[8], с ним происходит примерно то же, что обычно делается с людьми, только с коньяком это получается быстрее. Он погибает. И Йозеф Рот[9] погибает. Многие погибают. А я – я тоже погибаю? Или таинственный Сатурн, который должен охранять меня, а на самом деле обычно все разрушает,

---

[6] Spekulatius (лат.) – фигурное печенье, подаваемое к столу под Рождество. – Примеч. пер.

[7] «…я и впрямь семь лет…» – предположительно Ремарк и Марлен Дитрих впервые встретились в 1930 году в Берлине в отеле «Эден». – Примеч. нем. издателя.

[8] Джеф (Жозеф) Кессель (1898–1979) – французский романист и публицист.

[9] Йозеф Рот (1894–1939) – австрийский писатель.

бросил мне вызов? Полагаю, да. У меня опять стало появляться ощущение переполненности, стремление излиться, а не только чувство пустынной дали.

Однако твой день рождения – он как будто 27-го – я отпраздную, любимая, дарованная мне! И не разными крепкими напитками до одури – нет, я вылью в озеро лучшую бутылку вина из тех, что найду в своем погребе, и прошепчу множество заклинаний – мне известны некоторые – за тебя, за себя и за нас обоих…

Ну, вот, приближается врач со шприцем и прочей ерундой – будь счастлива, любимая – привет тебе, привет, любимая моя, и никогда не покидай меня, это разорвет меня на части…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Парижа*
(после 07.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилпз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]

Ангел мои – я с карандашом в постели, – вот ужас! Я уже несколько дней лежу, не поднимаясь, – разгулялся мучительнейший ишиас, при котором даже о том, чтобы поковылять, и речи нет, и что-то странное происходит с сердцем, и вообще давление чересчур упало, пульс очень медленный, кровь не циркулирует как следует и прочая дребедень. Похоже, все хуже, чем я думаю. Но это не помешает мне 23-го отбыть отсюда, пусть и на носилках. Мне надоело лежать в гостиничной постели. Хочу обратно к моим собакам.

Не тревожься, как-нибудь выкарабкаюсь.

Но о тебе я действительно знаю слишком мало. Ты исчезла, время от времени в мой дом залетает телеграмма от тебя. Вообще это мне присуще исчезать, а потом время от времени звонить по телефону или посылать телеграммы. Может быть, с тобой я расплачиваюсь за провинности многих жизней.

Неси свою ношу с достоинством, старина.

Это письмо попадет к тебе примерно около Нового года. Вообще-то ужасно писать письма наугад, в какую-то неизвестность…

Вспоминай обо мне по чуть-чуть. Это было бы хорошо.

Давай загадаем на будущий год. Чтобы нам быть вместе.

В какой-то газете писали, будто в январе ты приедешь в Венецию, чтобы между делом сняться в некоем фильме.

Это наверняка неправда.

Мне что-то взгрустнулось.

И еще я устал.

Опять сходит ноготь, третий по счету.

Говорят, это не к добру.

Но я прорвусь.

Бог только помахал мне рукой. Он не грозит.

Я ведь из его любимейших детей.

Любимая! Сейчас я иногда слышу твой голос во сне. Раньше ты всегда была в дальней дали.

Я тебя очень люблю.

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Парижа*
(23.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилпз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумах: «Отель "Пренс де Галль"»]
MDC492-493

Всякий раз, когда я поднимаю глаза, я во власти странной иллюзии: при фиолетовом свечении вечерних лагун я вижу окрашенную в синюю и золотистую краски сваю для привязи лодок, слышу тихий плеск воды, а на фоне высокого октябрьского неба Италии кружат стаи голубей.

Милая, дарованная Богом, – когда целыми днями лежишь в постели, когда все давно перечитано, являются толпы воспоминаний и уставляются на тебя.

Я думаю, нас подарили друг другу, и в самое подходящее время. Мы до боли заждались друг друга. У нас было слишком много прошлого и совершенно никакого будущего. Да мы и не хотели его. Надеялись на него, наверное, иногда, может быть – ночами, когда жизнь истаивает росой и уносит тебя по ту сторону реальности, к непознанным морям забытых сновидений.

Но потом мы опять забывали о нем и жили тем, что называется жизнью: брошенные на позиции перед неприятелем, слегка храбрящиеся, слегка усталые, циничные…

По отношению к своим любимым детям Бог столь же добр, сколь и лют, – и несколько лет назад он уже подбрасывал нас друг другу. То, что мы этого совсем не осознали, он милостиво не заметил и простил. А сейчас он, будто ничего не случилось, повторил все снова. И опять все едва не лопнуло из-за нас, жаб несерьезных. Но в самый последний день он сам, наверное, решительно вмешался и помог.

Восславим же его.

Любимая, это на самом деле так. Ты вспомни, что было примерно с полгода назад. Нам незачем быть поучительным примером для тысяч подрастающих юнцов. Мы просто невероятно подходим друг другу. Мы в равной степени анархичны, в равной степени хитры, понятливы и совершенно непонятливы, в равной степени люди деловые и романтичные (не говоря уже о беспредельной, восторженной преданности китчу во всех его проявлениях), мы в равной степени любим прекрасные драматические порывы и столь же безудержный смех, мы в полном восторге от того, что в любое время видим друг друга насквозь и точно так же в любое время запросто можем попасться на удочку друг другу, мы…

…Я прекращаю – я умолкаю перед славословием и по причине двух плоских подогретых подушек… – любимая обезьяна, они ежедневно делают мне по два укола, глубоко в нерв ишиаса, прямо внутрь, а после болей всаживают в меня что-то вроде соляной кислоты – как я завтра поеду, для меня загадка, но я сделаю это…

Мамаша Манн[10] одарила меня подношением из азалий (в корзине с красной лентой); Руди счастлив до предела, он сбил цену на пепельницу для своей квартиры с 23 до 12 франков, и я счастлив, потому что у меня есть ты, милая, дарованная Богом, и я люблю тебя…

[10] Мамаша Манн – речь идет о жене Томаса Манна Кате. – Примеч. нем. издателя.

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко*
(после 24.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге:
«ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК», *слева]*
MDC 231–232

Когда я вернулся домой к собакам, коврам, картинам, к озеру и, наконец, к солнцу, я думал, что мне от этого будет очень хорошо. Но во второй половине дня стало как-то сумеречно, хотя ничего не произошло, и все постепенно слилось в одну премерзкую тоску, на которой я повис, как на парашюте, и все стало мне чуждым, как мне всегда и везде становится под конец чуждым все в моей жизни, и я готов был все бросить, и не желал ничего другого, кроме одного: оказаться где-нибудь наедине с тобой, по ту сторону времени, по ту сторону всех уз и узлов лет, по ту сторону мыслей и воспоминаний, по ту сторону самого себя и моей растраченной и постылой жизни…

А потом твой телефонный звонок, и я был наедине с тобой – наедине во всем мире, наедине с твоим нежным голосом, и, ничего не попишешь, вынужден признать: у меня задрожали руки, и я после то и дело поглядывал в зеркало: мне чудилось, что любой это заметит и что я, наверное, весь светился от счастья.

Любимая – я не знаю, что из этого выйдет, и я нисколько не хочу знать этого. Не могу себе представить, что когда-нибудь я полюблю другого человека. Я имею в виду – не так, как тебя, я имею в виду – пусть даже маленькой любовью. Я исчерпал себя. И не только любовь, но и все то, что живет и дрожит за моими глазами. Мои руки – это твои руки, мой лоб – это твой лоб, и все мои мысли пропитаны тобой, как белые холстины коптов пропитаны тысячелетним невыгорающим пурпуром и королевским цветом золотого шафрана.

Милая радуга перед отступающей непогодой моей жизни! Ветер, потяжелевший от влаги и запахов дальних садов, мягкий молодой ветер из забытых лесов, детский ветер над потрескавшимися, иссохшимися полями моего бытия, птичий крик над обуглившимися пашнями, нежная пастушья дудочка отлетевших снов, ах, ты мелодия из предвечных времен, которую я уже не надеялся отыскать…

Как тебя угораздило родиться! Как за миллионы лет путь твоей жизни пересек мою, обозначенную редкими блуждающими огнями! О ты, Рождественская! Подарок, который никогда не искали и никогда не вымаливали, потому что в него не верили! И это при том, что не все еще разрушено! При том, что в моих глазах достало еще былой зоркости, чтобы увидеть и узнать тебя, а в моих руках достало осязательной силы, чтобы схватить и удержать тебя! Милая радуга перед приходом ночи и вечного одиночества…

Разве я жил – до тебя? Почему же я что-то порвал и безучастно бросил? О ты, Предназначенная! Хорошо, что я так сделал. Я уже забыл об этом, пока еще был жив… А сейчас похоже на то, что все эти годы облетают, как сухие листья, и я очень стар и очень молод одновременно, и поскольку ничего не осталось, да и не могло ничего остаться, я – чистый лист, на котором ничего не написано и который начинается с тебя, Предназначенная!

Орион стоит высоко в небе, снег слабо отсвечивает с гор, озеро шумит, и новолунная ночь разыгралась вовсю. Она бушует и подгоняет время, время, которое нас пока разделяет; дни без тебя – все равно что горы в темных тучах. Долгие дни, пустые – и все-таки наполненные, грустные – и все-таки исполненные счастья, дни, полные волнений и лишенные

былого равнодушия, не пустые больше и не бесцельные, – воды жизни снова поднимаются, источники оживают и нащупывают путь наверх сквозь песок и переплетение корней, они стремятся к свету, чтобы оказаться наверху и обратиться в тучу, а туча – пролиться дождем и росой по мистическому кругу рождения и смерти…

Роса на полях нарциссов в мае…
Ласковая темная земля…
И мягкий источник, ручей и река…
И слезы…
Очень любимая – давай никогда не умирать…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко (после 24.12.1937)*
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз, отель «Беверли Уилшир»*
[Штамп на бумаге:
«ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК», *слева]*
MDC235-238

Иногда ты очень далеко от меня, и тогда я вспоминаю: а ведь мы, в сущности, ни разу не были вместе наедине. Ни в Венеции, ни в Париже. Всегда вокруг нас были люди, предметы, вещи, отношения. И вдруг меня переполняет такое, от чего почти прерывается дыхание: что мы окажемся где-то совсем одни, и что будет вечер, потом опять день и снова вечер, а мы по-прежнему будем одни и утонем друг в друге, уходя все глубже и глубже, и ничто не оторвет нас друг от друга, и не позовет никуда, и не помешает, чтобы обратить на себя наше внимание, ничто не отрежет кусков от нашего бесконечного дня, наше дыхание будет глубоким и размеренным, вчера все еще будет сегодня, а завтра – уже вчера, и вопрос будет ответом, а простое присутствие – полным счастьем…

Мы будем разбрасывать время полными пригоршнями, у нас больше не будет ни планов, ни назначенных встреч, ни часов, мы станем сливающимися ручьями, и в нас будут отражаться сумерки, и звезды, и молодые птицы, и ветер будет пробегать над нами, и земля будет обращаться к нам, и в тиши золотого полудня Пан будет беззвучно склоняться над нами, а вместе с ним все боги источников, ручьев, туч, полетов ласточек и испаряющейся жизни…

Прелестная дриада, мы никогда не были друг с другом наедине достаточно долго, мы слишком мало смотрели друг на друга, все всегда было чересчур быстротечным, у нас всегда не хватало времени…

Ах, что мне известно о твоих коленях, о твоих приподнятых плечах? И что – о твоих запястьях и о твоей коже, отливающей в матовую белизну? Какая прорва времени потребуется мне, чтобы узнать все это! Что толку пользоваться теми мерами, к которым мы привыкли прибегать, и говорить о годах, днях, месяцах или неделях! Мне понадобится столько времени, что волосы мои поседеют, а в глазах моих потемнеет, – иного промежутка я и не знаю. Разве я видел тебя всю в залитом дождем лесу, при разразившейся грозе, в холодном свете извергающихся молний, в красных всполохах зарниц, за горами, разве знакома ты мне по светлым сумеркам в снегопад, разве мне известно, как в твоих глазах отражается луг или белое полотно дороги, уносящееся под колесами, видел ли я когда-нибудь, как мартовским вечером мерцают твои зубы и губы, и разве мы вместе не ломали ни разу сирени и не вдыхали запахов сена и жасмина, левкоя и жимолости, о ты, осенняя возлюбленная, возлюб-

ленная нескольких недель; разве для нас такая мелочь, как год, один-единственный год, не равен почти пустому белому кругу, еще не открытому, не заштрихованному, ждущему своих взрывов, как магические квадраты Северного и Южного полюсов на географической карте?

Сентябрьская возлюбленная, октябрьская возлюбленная, ноябрьская возлюбленная! А какие у тебя глаза в последнее воскресенье перед Рождеством, как блестят твои волосы в январе, как ты прислоняешься лбом к моему плечу в холодные прозрачные ночи февраля, какая ты во время мартовских прогулок по садам, что у тебя на лице под влажным порывистым ветром в апреле, при волшебстве распускающихся каштанов в мае, при серо-голубом свечении июньских ночей, а в июле, в августе?

Прелестная дриада, осенняя луна над садами чувственных астр, страстных георгинов, мечтательных хризантем! Приди и взойди, сияющая и освещающая, над мальвами и маками, над сильнопахнущими тигровыми лилиями и жимолостью, над полями ржи и зарослями ракитника, над черными розами и цветами лотоса, приди и взойди над месяцами и временами года, которые, еще не зрячие, лежат перед нами, которые еще не знают тебя и, не зная имени, взывают о нем!

Всего три месяца моей крови освещены тобой, а девять других протекают в тени, – девять месяцев, за которые и зачинается, и вырастает, и рождается дитя, девять темных месяцев, полных прошлого, девять месяцев, не несущих еще твоего имени, не ведающих ни прикосновений рук твоих, ни твоего дыхания и твоего сердца, ни твоего молчания и твоих призывов, ни твоего возмущения, ни твоего сна, ах, приди и взойди…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко*
(после 24.12.1937)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилтз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель «Эксельсиор Палас», Либо-Венеция», слева]
MDC 582

О Боже, меня словно по сердцу стукнули! Прямо сейчас, когда я достал из ящика чистый лист писчей бумаги, оказалось, что это – тот самый… Одному небу известно, как он там оказался! Для меня это не случайность. Случайностей не бывает…

Ты в своем коричневом замшевом костюме… а я и впрямь только сейчас подхожу к твоему столику с телеграммой в руке… а в телеграмме сказано: «Я приехала. Я приехала, любимый».

И я опять буду… как потяжелели мои пальцы!.. да и руки мои тоже, я не в состоянии этого пережить…

И я опять буду – если я вновь увижу тебя, если я приеду или приедешь ты, – тогда я буду опять, и все еще раз повторится, и я увижу тебя, я буду…

Я не могу больше писать…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко*
(перед 05.01.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилтз,*
отель «Беверли Уилшир»

MDC 533

Сладчайшая, ты так близко от меня, что я часто разговариваю с тобой; – Боже, благослови всех изобретателей телефона! Благослови, Боже, Филиппа Раиса[11]. По-моему, он был первым!

Я целый день просветленный и даже хороший человек, если я поговорил с тобой. Речь моя течет плавно, а для собак выдаются замечательные дни – с пирожными и бифштексами из филе. С некоторого времени они догадались, что к чему, и при любом телефонном звонке, даже если он касается счетов и напоминаний о неуплате, поднимают радостный лай. Не могу же я их после этого разочаровывать; я притворяюсь, будто этот звонок от тебя, и иду к шкафчику с шоколадом.

Отто[12], похоже, пропал в Чехословакии без следа. Он отправился туда под Рождество; будем надеяться, он не стал там жертвой погрома. Предполагаю, что он продал там права на чешское издание моих книг и проедает их сейчас. Мир его печени!

Когда я уехал из Парижа, Руди как раз успел привести в исполнение чудовищный замысел. Он снял рядом со своей квартирой дополнительно еще три комнаты, чтобы поселить там отца Тами и саму Тами на тот случай, когда появится Кошка[13], – и намерен оставить эти комнаты за собой, чтобы в них жила ты, когда появишься в Париже. Он сам сказал мне об этом! Я так и представляю себе: все вы в семейном доме, а я должен спускаться к тебе по ночам с крыши! Страшная мысль. Лучше я буду жить с тобой в «Сфинксе», если уж ты хочешь держаться поближе к семье. Любимейшая! Может быть, мой ишиас не что иное, как некий, свойственный низменным созданиям, способ испытывать тоску по тебе. Она ослабевает, но по-настоящему не уходит никогда. Поэтому черноногие индейцы уже избрали меня вождем по имени Парализованная Ягодица. Так это именуется у индейцев. Да мало ли что там еще парализовано! Господи Иисусе, вот если бы можно было сношаться по телефону! Это был бы прогресс. Я не изменяю, немыслимое дело! Я погиб самым грандиозным образом! И слава Богу! Ось жизни моей!

*** * ***

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Сент-Морица*
(09.01.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Сан-Франциско,*
отель «МаркХопкинс»
[Телеграмма]
MDC 420

Возвращайся если там станет слишком противно тчк Не смогла бы ты сыграть все-таки Пат[14] никого больше нет тчк Дам телеграмму «Метро»[15] что при этом условии я согласен к сотрудничеству над сценарием у них тчк Роль должна по размерам по крайней мере не уступать мужским иначе нет смысла тчк Начинаю новую книгу[16] для тебя одной тчк Теле-

[11] Иоганн Филипп Райе (1834–1874) – немецкий изобретатель телефона (1861).

[12] Отто – литературный агент Ремарка Отто Клемент. – Примеч. нем. издателя.

[13] Кошка – речь идет о Марии Зибер, дочери Рудольфа Зибера и Марлен Дитрих. – Примеч. нем. издателя.

[14] Пат – Патриция Хольман, главный женский персонаж романа Ремарка «Три товарища» и американской экранизации романа режиссера Фрэнка Борзиджа. Роль исполняла Маргарет Салливэн. – Примеч. нем. издателя.

[15] «Метро» – фирма «Метро-Голдвин-Майер», где был снят фильм «Три товарища». – Примеч. нем. издателя.

[16] Предположительно – «Триумфальную арку». – Примеч. нем. издателя.

графируй что случилось и кто к кому приедет ты или я тчк Ничего не делай второпях ничего не бойся и ни на что не досадуй мы только начинаем они все еще удивятся.

Без подписи

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Сент-Морца*
(после 09.01.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Палас"»]
MDC 482–483

Как долго я вообще не слышал слова «шнупсилайн»[17]? Как слово само по себе, оно противное, – но от тебя? Называй меня хоть Августом[18], – лишь бы тон был подходящим.

Любимая, милая обезьяна, хлеб души и мечта – я ненавижу это мое жилище, я ненавижу людей и все вокруг вообще – без тебя нет настоящей жизни! Это существование в тени, проклятая суета: увидеть и забыть, пройти насквозь и ничего не узнать, как фильм на экране без резкости, как отключенное зрение, отключенный мозг и отключенная фантазия.

В газетах что-то писали о «Парамаунте», мол, они не хотят продлить договор, и о тебе. Если это так, ты, наверное, могла бы вернуться в феврале.

Тогда было бы правильнее дождаться тебя здесь, а если ты останешься там, то я, как бы там ни сложилось с налогами, попытаюсь 29 января снарядить гондолу в путь…

Просто страшно, как долго тянется время, сердце сердца моего, – я здорово засох без тебя, и ничто меня не радует! Давай опять посмеемся вместе! Все вокруг стало каким-то мучительно скучным! Приди к моему плечу, и давай будем спать друг с другом!

Здесь так много снега, и холодно, и как чудесно было бы нам с тобой походить на лыжах или покататься на санях. А по ночам мы слышали бы, как за окнами потрескивает мороз, и видели бы мерцающие звезды, и лежали бы рядом, ни о чем не думая, – все было бы унесено потоком чувств и рекой в девственном лесу, где есть орхидеи и леопарды…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Сент-Морца*
(после 13.01.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Палас"»]
MDC 373–374,385-386

Милая, любимая, твои письма пришли. Я счастлив и несчастлив. Потому что ты за это время меня наверняка забыла или разлюбила и не хочешь меня больше – и письма, наверное, всего лишь очаровательное вечернее зарево во все небо, когда солнце уже закатилось.

У нас обоих такие чуткие нервы, что трудно долго быть врозь. Неловкое слово, которое при обычных обстоятельствах отлетело бы, не оставив следа, может тут обрести большую

[17] Schnupsilein – неологизм, скорее всего что-то вроде «маленький сопливец». – Примеч. пер.

[18] «Назови меня хоть Августом» – немецкая поговорка. Аналогично в русском языке: «Ты меня хоть горшком назови…» – Примеч. пер.

силу – некая иллюзия способна водвориться в душе, некая тень, обычно летучая и видимая на просвет, способна обрести важность и вес и словно свинцовой росой утяжелить листья цветов и крылышки бабочек, – давай не придавать таким словам значения! Единственное, что имеет все права, – это чувство. Если с него опадут листья, если сломается стебель или оно увянет, не помогут никакие жалобы, и никакие споры, и никакая благонамеренно-жестокая и смягчающая ложь. В таких случаях только твердости место и больше ничему…

А тысячи мелких будничных возможностей ошибаться – слово, сорвавшееся с губ, которых не видишь, мысль, пронзившая лоб, которого нет перед тобой, – давай не придавать им особого внимания и смысла…

Тяжело не дать затрещину субъекту вроде Яноша Плеша, когда он утверждает, будто ты читала ему мои письма к тебе, – еще и потому, что впоследствии трудно будет писать их, думая, что чья-то козлиная башка подглядывает из-за плеча с чувственной ухмылкой, омерзительно-приторным пониманием и пытается слизнем втереться в доверие. Отрывки из фраз, в свое время прочувствованных и брошенных любимому человеку, неприятно слышать разжеванными до богохульства.

Это трудно и совсем не трудно понять; и даже если в этом есть доля истины – чего не сделаешь иной раз в моменты одиночества, а иногда и от переизбытка чувств, чего не случается иногда в грозу и при посверках зарниц, до нижней кромки которых гнусным праздношатающимся даже не дотянуться, – я стряхиваю это с себя, потому что имелось в виду совсем иное и, если кто об этом хоть немного знает, было вызвано совсем другим…

Золотое вечернее облако, дельфин у горизонта, ты, переливающаяся пряжа, ты, не способная никогда простить, если что-то уже случилось и задело чувства… Молчаливая, цветок, распускающийся в ночи, дышащая, Диана из лесов, если ты больше не любишь меня, скажи это, я не из тех, кто начнет стенать, это уж точно, – хотя бы уже потому, что ты во мне останешься вопреки всему, – ведь то, что родилось при тебе в моей крови, течет и возвращается, как и все живое, – и было уже столько бурь и счастья из-за того, что оно лишь пробудилось… а если ничего этого нет, то брось мне через океан слова, их совсем немного, и в них – большее, чем весь мир: в них суть мира, тишина бури, дыхание Бога – и цветущая кровь…

…Не бойся, ах, не бойся же – ни одного, ни другого…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Сент-Морица*
(после 13.01.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилпз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Палас"»]
MDC 383

Любимая, ты позвонила и дала телеграмму, и я сижу здесь в снегу и счастлив. Привет тебе! Моя жизнь все крутится и вертится, как колесо машины, а ты – нерушимая ось всего, вокруг чего происходит круженье, – покой при всех тревогах, синее небо над всеми ураганами и извержениями вулканов! Ах, смочь полюбить вновь! Восстать из мертвых! Изобилие и к тому же неутомимость, мечта и действительность как одно целое, изливающееся чувство и чаша, вмещающая его, – привет тебе, сладкое северное сияние, пламя над снегами…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Сент-Морца*

(после 13.01.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
отель «Беверли Уилшир»
[Штамп на бумаге: «Отель "Палас"»]
MDC379-380

Любимая, я получил сегодня от тебя телеграмму, которая опять отменила мое решение сдаться на милость баккара, – хотя мои горести странным образом всегда приносят мне удачу: вчера вечером, например, в семи сериях подряд выпало черное, а это принесло 500 долларов выигрыша…

Поэтому крупье смотрели на меня сегодня как на убийцу, – я не вернулся к ним, а гордо прошествовал мимо с новыми часами, купленными на выигранные у них деньги…

Снаружи идет снег, и галки летают вокруг серых башен отеля, как вороны над пшеничным полем в Овере у Ван-Гога, они пролетают прямо перед окнами, и парят, и заглядывают своими черными каменными глазами в номера, и кричат; а передо мной лежит тетрадка «Мюнхенской иллюстрированной газеты», в которой на трех полосах твои фотографии в разных позах и ситуациях – в каком-то черно-белом доме, в автомобиле, за завтраком, за изучением роли, ну и все такое…

Неужели эти люди верят в то, что утверждают: будто ты возвращаешься в Германию и станешь украшением УФА[19]?

Вокруг меня в холле происходит широкое чаепитие; я ненавижу все это – бар, людей, снег и прошлое.

Какой светлой может быть жизнь и какой серой! Но и в светлом есть серое, потому что серебро тоже серое. Серебро серое, а руки мои иногда старые; а эти высокие окна и снег, хлопья которого так и кружат, и доносящийся снаружи рык мотора тяжелой спортивной машины – что мне все это напоминает? Дорожку посреди черных елей, последний путь, – ах, приезжай! – и ничего больше нет, это всего лишь тени, и больше ничего, тени лет, которые иногда словно белой косой прорезает кругами прожектор воспоминаний. И вдруг он прекращает движение, подрагивая, но не сдвигаясь с места, – Орплид и Авалун[20] – берег мечты и желания, – ах, подними свои глаза и посмотри на меня… посмотри на меня…

*** * ***

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Сент-Морица*
(почтовый штамп на конверте: 21.02.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз,*
Норт-Кресчент-драйв
[Штамп на бумаге: «Отель "Палас"»]
MDC 334–336

Свет глаз моих, ты так далеко от меня, и я пишу в какую-то бесконечную пустоту…

Небо над обнаженными снежными полями зеленое, высокое и чистое. Кромки гор напоминают вырезанные из металла силуэты, и если страстные чувства соберутся перелететь через них, их словно тысячами ножей разорвет…

Что я здесь делаю? Зачем брожу здесь? Для чего берегу себя? Ах, во мне столько всего рухнуло, и отвалы, полные пустой породы, бессмысленно лежат передо мной зимними вече-

[19] УФА («Универзум-фильм-акциенгезельшафт») – немецкий киноконцерн.

[20] Орплид – мифическая страна из эссе «Орплид» (1923) немецкого писателя и философа Рудольфа Панвица (1881–1969). Авалун или Авалон – в кельтской мифологии «остров блаженных».

рами, как мертвые страницы распавшейся книги земного бытия, они полны безысходной печали, полны тяжелого чувства, они разбросаны и одиноки, как в пустыне…

Почему я все время думаю, что я больше не нужен тебе…

Возможно, мы слишком долго в разлуке, возможно, мы слишком мало времени знали друг друга, а возможно, совсем не в этом дело; возможно, я слишком мало слышу о тебе, и, возможно, все это лишь другое лицо Януса, которое неотрывно-мрачно уставилось на меня, и мне достаточно всего-навсего оглянуться, чтобы мое любимое лицо вновь появилось предо мной – мягкое, с глубокими глазами и губами из всех юношеских снов.

Льстивый воздух! Теплый и влажный ветер из-за гор! Что стряслось? Я могу и не могу это понять, я смотрю на себя и иногда вижу в своем отражении не себя, меня уносит прочь и прочно удерживает на месте, меня вздымает ввысь и меня закапывает, это цель и праща, пропасть, птичий полет и птичий крик в зеленых и золотых чащах когда-то знакомых мне лесов…

*** * ***

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко*
(перед 21.02.1938)
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хилпз,*
Норт-Кресчент-драйв
MDC497

Сегодня вечером отрабатываются навыки по противовоздушной обороне. Вся Швейцария в затемнении. Ни горящих фонарей, ни людей на улицах, пустынный, залитый дождем лунный пейзаж, который угасает сам по себе, как маленький костерок под гнетом влаги, черное озеро, свистящая бесплотная темень, навевающая ужас ночь привидений.

В синем свете настольной лампы мои руки лежат, как руки мертвеца. Они двигаются, оттененные синевой, пока еще они двигаются, но как долго это продлится?

Этот нематериальный слабенький свет из синих ламп, используемых при учениях по противовоздушной обороне, – он властвует над миром. Он фосфоресцирует, он высасывает жизнь из милых головок Ренуара, он превращает мерцающий балет танцовщиц Дега в «Пляску смерти» Гольбейна, он лишает красок ковры, обрекает их на серость, и даже собаки шатаются по комнатам, как больные тени.

Я включил граммофон. Он вбрасывает музыку в туберкулезную ночь, музыку с другого континента, с другой звезды, усталую музыку распада. Когда мир развалится на куски?

Самая любимая моя! Ты так далеко от меня и совсем близко, прикованная к маленькому кругу умирающей лампы, ты единственный источник света во всем доме, вблизи всего озера. Ты живешь! Это просто непостижимое счастье! Сердце сердца моего, ты живешь! Бабочка, нежный привет лета на моем воспаленном лбу, ты живешь! Ах, ты живешь, и ничто не мертво, раз ты здесь, ничто не минуло, и все вернется – дыхание юности, светлое счастье бесконечных дней, и волна, мягкая, мягкая, ласкающая волна жизни!

Заблудившийся мотылек с мягчайшими крылышками на земле, ты живешь! Ты живешь, и свистопляска прекращается, почва у меня под ногами перестает крошиться, из скольжения вниз и равнодушия образуется плоскость опоры, из безутешности – тепло, тепло, пестрая бабочка, необходимое тебе, чтобы ты не застыла, тепло, которое появилось только потому, что есть ты, любимая жизнь, ах, останься!

Золотое лето! Рябина, наливающееся зерно, маковки у моих висков, и вы, руки всех рук, подобно сосуду опускающиеся на мое лицо, ах, останьтесь, останьтесь, ибо никто не остается, останьтесь и сотрите годы, годы пустоты, темени и слабодушия. Ласковый дождь,

неужели я никогда не смогу сказать тебе, как я тебя люблю – со всей безнадежностью человека, который переступал все границы и для которого достаточного всегда мало, человека с холодным лбом безумца, воспринимающего каждый день как новое начало – перед ним поля и леса бытия простираются бесконечно, ах, останься, останься… ах, останься…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко, Парижа, Антиба или Беверли-Хиллз (после сентября 1937 г.)*
МАРЛЕН ДИТРИХ
MDC 2c

Несомая ветром, унесенная из сердца – Ника перед эллинскими берегами…

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко (24.02.1938)*
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз, Норт-Кресчент-драйв [Телеграмма]*
MDC 439

Приезжай как можно скорее Михаэля[21] шатает от радости тчк Установил что Отто Клемент присвоил американские налоги[22] тчк Прощу потому что в Париже он был терпим но только при условии что ты приедешь не то мы его убьем тчк Буду встречать тебя в Саутхемптоне пообедаем у «Орча» в Лондоне Потом на машине в Неаполь на Капри и в Будапешт тчк Война отменяется назначается весна

Не хватающий звезд с неба

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК *из Порто-Ронко (перед 04.04.1938)*
МАРЛЕН ДИТРИХ *в Беверли-Хиллз, Норт-Кресчент-драйв*
MDC 206–207

Нежное сердце, сегодня был такой «притомившийся» весенний день, когда воздух столь мягок, что к нему просто тянет прислониться. Я лежал на солнце, и когда я закрывал глаза и легкий ветерок касался моего лица, чудилось, будто ты рядом. Я лежал совершенно неподвижно, вслушиваясь в жужжание пчел в золотистых кустах мимозы, и думал о том, сколько лет возможной жизни с тобой мною упущено. Как давно это было? Разве это началось не в 1930 году, в баре «Эден», где мне, собственно говоря, стоило встать, подойти к тебе и сказать: «Пойдем со мной отсюда… что ты здесь потеряла…»?

[21] Михаэль – одна из фиктивных фигур Ремарка в его переписке с Марлен Дитрих. – Примеч. нем. издателя.

[22] «Отто Клемент присвоил американские налоги» – это соответствовало действительности. – Примеч. нем. издателя.

Я знаю, ты смеешься и не веришь, что так оно и было тогда. Но я все точно помню, я запомнил все в деталях, а ведь я столько всего забываю! Я даже помню, что на тебе был светло-серый костюм с очень прямыми плечами пиджака, хотя на такие вещи я обычно не обращаю никакого внимания. Эта картина всегда у меня перед глазами, я никогда о ней не забывал и тем не менее никогда ничего не предпринимал для нашего сближения, даже в Зальцбурге, где вы с Польгаром[23] сидели в нескольких шагах от меня, и сегодня я это просто никак не могу взять в толк. Сегодня я испытываю боль при мысли о восьми расстрелянных впустую, проигранных в карты и пропитых годах, – и не потому, что они выброшены и безучастно разорваны в клочья, – нет, а потому, что они не выброшены и не разорваны в клочья по крайней мере вместе с тобой. Почему я не был вместе с тобой повсюду в то блестящее время, когда мир был не чем иным, как невероятно быстрой машиной и искрящейся пеной, смехом и молодостью! Ты сидела бы рядом со мной посреди колосящихся пшеничных полей во Франции, посреди маковых и ромашковых лугов, на дорогах Испании и перед итальянскими остериями, ты спала бы во множестве постелей у моего плеча, и вставала бы вместе со мной по ночам, когда колодцы под окнами начинали журчать чересчур громко, и ты бы ехала рядом со мной сквозь лунные ночи навстречу горизонту, все время навстречу горизонту, за которым не поджидали бы чужбина и приключения, и даль. Ты видела бы вместе со мной табуны лошадей в блестящей траве пушты, вспуганных и скачущих галопом, бегущих в лунном свете жеребцов, у которых такие мягкие ноздри, что нет в мире предмета мягче их, кроме твоих рук и твоих губ; мы побывали бы внутри египетских гробниц[24], полных голубого света тысячелетий, любовались бы черными тенями сфинксов, словно высеченными взмахами дамасских сабель, и фиолетовыми миражами пустыни, ты повсюду была бы рядом со мной, и мое сердце горело бы подобно факелу, всегда освещая наш путь вперед…

Мы никогда не грустили бы. Мы смеялись бы или молчали и иногда переживали бы часы, когда на нас серым туманом набрасывалась мировая скорбь; но мы всегда знали бы, что мы вместе, и, окутанные туманом и озадаченные загадками, прямо перед каменным обличьем Медузы разжигали бы костер нашей любви, а потом, не ведая страха и исполненные взаимного доверия, засыпали бы в объятьях друг друга, и когда просыпались бы, все было бы унесено прочь – и туман, и загадки, и бездна вопросов без ответов, и Медуза улыбалась бы нам… Мы никогда не грустили бы.

Любимое лицо! Небесный отблеск пестрой, не с тобой прожитой юности! Зеркало, в котором мои воспоминания собираются и делаются краше! Взгляни, былое приходит вновь, и это ты возвращаешь мне его, благодаря тебе я вновь обретаю его еще более полным, более ярким, чем когда-то, – ибо ко всему прибавилась страстная тоска по тебе, а что есть жизнь без страстного стремления быть с другим, как не пустой исход лет!

[23] Имеется в виду австрийский писатель Альфред Польгар (1873–1955). Пребывание Ремарка в Зальцбурге после 1930 года документально подтверждается только на начало 1935 года. – Примеч. нем. издателя.

[24] Подтверждения поездки Ремарка в Египет пока не найдено. – Примеч. нем. издателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.